

Антон Викторович ПЕРМЯКОВ¹
Дмитрий Александрович КИРИЛЛОВ²

УДК 342.7+347.1

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И НЕВИНОВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

¹ кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
permyakov.antony@gmail.com

² кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
kdakda@yandex.ru

Аннотация

Описание добросовестности в гражданском праве практически совпадает с описанием невинности в праве публичном. Однако данный факт системно не исследуется несколько десятилетий, поскольку отраслевыми науками изучение «чужих» категорий не приветствуется. Ситуация разрешилась лишь на стыке отраслевой науки и науки конституционного права. Такое сочетание позволило выйти за рамки предмета отрасли при рассмотрении гражданско-правовых вопросов.

Проблема. Указывающие на добросовестность и невинность свойства психики субъекта, являясь «внеправовыми», едины для всех отраслей права. Поэтому очевидная схожесть этих разноотраслевых феноменов также означает и их общеправовую схожесть, в том числе в границах гражданского права. Между тем одно из логически схожих понятий (добросовестность) презюмируется, а другое подлежит доказыванию (невинность). Отсюда цель исследования — четкое отграничение презюмируемой

Цитирование: Пермяков А. В. Межотраслевой модельный подход к разграничению добросовестности и невинности в гражданском праве России / А. В. Пермяков, Д. А. Кириллов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 155-170.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170

добросовестности от подлежащей доказыванию невинности. Цель достигается построением упрощенных моделей невинности и добросовестности, а также их сравнением. И в этом смысле исследование является новым.

Методика исследования типична для диалектической методологии, дополненной элементами иных методологических подходов. В качестве частных методов особое внимание уделено сравнительно-правовому анализу, логическому анализу, обобщению. В статье обосновывается корректность сопоставления на базе конституционного права конструкций частного и публичного права; обосновывается выбор налогового права в качестве публично-правовой отрасли; проводится терминологический анализ категорий «добросовестность» в гражданском праве и «невинность» в налоговом праве, а также других понятий, смежных с данными категориями, с использованием метода обобщения; осуществляется логико-терминологическое упрощение понятий для целей их сравнения; производится фактическое табличное сравнение понятий, а также даются комментарии.

По результатам исследования авторами сформулирован ряд подходов для возможной коррекции законоположений, в частности, о том, что недобросовестность участников гражданских правоотношений, допустивших виновное нарушение чужих прав, должна предполагаться.

Ключевые слова

Добросовестность, невинность, недобросовестность, виновность, сравнительная характеристика, упрощенная модель, правовое состояние, законодательная унификация.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170

Введение

Целью полагающегося в основу настоящей статьи исследования является попытка проведения в современных юридических реалиях сравнительно-правового анализа ситуации, существующей практически в неизменном виде уже более пятидесяти лет. Функционально наш анализ основан на построении пригодных для сопоставления упрощенных логических моделей ряда «схожих» категорий гражданского и публичного права, а также на последующем сравнении свойств этих моделей. Существо же ситуации как объекта исследования, будучи, как представляется, не просто очевидным, но и общеизвестным, состоит в следующем. Для описания невинности в уголовном (публичном) и в гражданском (частном) праве отечественный законодатель последовательно использует различные логико-терминологические конструкции. При этом с публично-правовой конструкцией невинности практически полностью совпадает частно-правовая конструкция добросовестности, которая, очевидно, имеет мало общего с конструкцией невинности в частном праве. Между тем экзоюридическая природа содержания интеллектуальных и волевых процессов, опосредующих виновность и невинность участников правоотношений, не может, на наш взгляд, не индуцировать появления научных тезисов не только о возможности, но и о целесообразности универсали-

зации конструкций невиновности в частном и публичном праве и, соответственно, о схожести невиновности и добросовестности в частном праве. Учитывая возрастание в последние годы уровня внимания к категории «добросовестность» в гражданском праве со стороны представителей как всех ветвей отечественной власти, так и цивилистической доктрины, вопросы о необходимости четкого отграничения законодательно презюмируемой в настоящее время добросовестности субъекта от требующей самодоказывания субъектом собственной невиновности, а также разграничения всех смежных с названными категориями понятий, представляют повышенную актуальность. Одна из угроз правовой действительности здесь видится в том, что отсутствие такого разграничения чревато, в частности, дальнейшей правоприменительной экспансией презумпции вины в гражданском праве на категорию добросовестности с постепенным перерождением презумпции добросовестности в презумпцию недобросовестности. Это, в свою очередь, повлечет нарушение широкого спектра конституционных прав граждан и других участников общественных отношений.

Основная часть

Двумя группами взаимосвязанных положений Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее — ГК РФ) установлены важнейшие презумпции отечественного гражданского права. Так, п. 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, а п. 2 ст. 401 (п. 2 ст. 1064) ГК РФ — презумпцию виновности лица, допустившего нарушение чужого субъективного права.

Принимая во внимание оценочность понятия «добросовестность», а также существенно возросшую в последние годы популярность «дискреционного» обращения к ней со стороны представителей судебной и иных ветвей власти, мы сочли важным, опираясь на базовые подходы и возможности науки конституционного права, уделить внимание одному из «экзоотраслевых» аспектов соответствующего института цивилистики. Таковым является близкая к тождеству аналогия подходов, на протяжении уже более пятидесяти лет используемых законодателем для обозначения добросовестности в гражданском (частном) праве и невиновности в публично-правовых отраслях, что, в частности, подтверждается содержанием ст. 152 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. [3] и ст. 9 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [13]. В связи с этим в порядке научных гипотез полагаем уместными тезисы как о единстве логико-правовой основы данных разноотраслевых конструкций, так и о схожести составов невиновности и добросовестности непосредственно в цивилистике. При этом считаем необходимым отметить и идею о взаимоисключающем характере цивилистических презумпций добросовестности и вины, высказанную В. И. Емельяновым в начале текущего века [5, с. 114].

Учитывая актуальность адекватного осмысления добросовестности, а также детальную изученность вины и невиновности в различных отраслях публичного права, мы сочли корректным, используя возможности внеотраслевого и межотраслевого подходов, в том числе опираясь на конструкции публичного права,

провести сопоставление логических моделей добросовестности и невиновности в цивилистике. При этом не считаем возможным обойти вниманием высказанное в известной работе М. И. Брагинского и В. В. Витрянского мнение о недопустимости привнесения «в имеющую многовековые традиции цивилистику» чуждых ей уголовно-правовых учений [2, с. 568], в частности об основаниях ответственности [9, с. 5]. Заметим по данному поводу, что бросающаяся в глаза похожесть конструкций добросовестности в цивилистике и невиновности в уголовном праве, которое названо «чуждым», почему-то возражений у авторов приведенного мнения не вызывает. Отсутствие таких возражений по поводу охарактеризованного сходства, как представляется, хоть и косвенно, но все же свидетельствует об очевидной логической непоследовательности подхода авторов мнения. Так, например, немало поведенческих проявлений «цивилистической недобросовестности» в значительной степени совпадает с фактами реального бытия в правовом пространстве тех самых «чуждых цивилистике» оснований уголовной ответственности, в частности, за совершение преступления по неосторожности, охарактеризованной в ст. 26 Уголовного кодекса РФ [14].

По большому счету, с позиций конституционно-правового подхода не имеет особого значения, какую из отраслей публичного права выбрать для сравнения конструкций, лежащих в основе категорий данной отрасли, с конструкциями категорий цивилистики. Так, исходя из ст. 2 Конституции Российской Федерации [6] (далее — Конституция РФ), соблюдение прав человека — обязанность государства. И если элементом конституционного пространства является такое положение вещей, когда тождественными или схожими до степени смешения терминами в разных законах описываются совершенно различные правовые феномены, то данное обстоятельство уже само по себе является серьезным препятствием к осуществлению человеком и гражданином своих прав и свобод, предусмотренных взаимосвязанными положениями ст. 4, 15, 16 и 17 Конституции РФ [6]. Данное обстоятельство также является и поводом для конституционно-правового сопоставления содержательно рассогласованных элементов различных отраслей права, невзирая на статус авторов разного рода отраслевых доктринальных подходов.

Вместе с тем для целей сравнения раскрываемых через схожие термины понятий «добросовестность» в цивилистике и «невиновность» в публичном праве мы посчитали возможным исключить прямое игнорирование охарактеризованной выше позиции цивилистов относительно «чуждых учений» уголовно-правовой доктрины, то есть учений об отрасли права, традиционно являющейся своего рода антиподом гражданскому праву. Следуя данной логике, нами для раскрытия признаков виновности и невиновности в публичном праве избран доктринально-отраслевой подход налогового права, который мы сочли как компромиссным, так и в полной мере содержательным, а потому подходящим для сравнительного анализа.

Несколько исходных замечаний о добросовестности.

Добросовестность, на наш взгляд, всегда субъективна, поскольку лежащая в основе добросовестности «добрая совесть» представляет собой, по нашему мне-

нию, определенную интегративную совокупность свойств, состояний и процессов в психической сфере субъекта, отражающих его позитивное ценностно-нормативное отношение как к «внешней среде», так и к своему с ней взаимодействию. Предопределяется добросовестность, в частности, преобладающим в гражданском праве общедозволительным типом правового регулирования, который, очевидно, ориентирует субъектов на то, чтобы реализация ими правосубъектности производилась лишь, говоря условно, «после» ознакомления с запретами и ограничениями, характерными для «внешней среды», то есть с учетом свойств внешней среды. Подобный подход в статистическом большинстве случаев обеспечивает разумный баланс интересов субъекта, его «соотношенцев», да и правовой среды в целом, что, по нашему мнению, и является квинтэссенцией добросовестности.

То есть одной из характеристик добросовестности в самом общем виде является внутренняя субъективная установка субъекта на возможность поведенческой реализации прав и намерений только после того, как этот субъект ознакомится с существенными свойствами среды, в которой поведение должно осуществляться, включая круг возможных стейкхолдеров, права и интересы которых поведением субъекта могут быть затронуты. Такого рода «предзнакомство» субъекта со свойствами среды является фактически необходимым условием для его поведенческих проявлений, без которого подобных проявлений быть не должно.

Также полагаем правильным говорить и о том, что добросовестность как юридическая категория не абстрактна, а ситуационна, поскольку оценивается не «вообще», а применительно к актуальным ситуациям. В тех ситуациях, когда до правовой оценки добросовестности дело не доходит, добросовестность подразумевается сама по себе, что и правильно, поскольку на добросовестность, как уже было сказано выше, субъекта ориентирует сам тип правового регулирования. Принимая же во внимание, что добросовестность имеет и правовое значение, можно говорить о добросовестности как о ситуационном правовом состоянии [11, с. 8].

Что касается усредненных стандартов проявлений добросовестности, то таковые, по нашему мнению, являются лишь внешними ориентирующими индикаторами для «родового» отграничения добросовестных поведенческих проявлений от недобросовестных. К собственно же добросовестности такие стандарты отношения, на наш взгляд, не имеют. Навряд ли корректно именовать такие стандарты и добросовестностью в объективном смысле, о которой исследователи применительно к таким стандартам говорят уже более ста лет [1, с. 55-56]. Подобные «стандарты», будучи, безусловно, весьма важными, являются, как представляется, лишь «ориентирующими рекомендациями внешней среды», а потому к собственно добросовестности как производному психической сферы субъекта не относимы. Примером изложения таких стандартов является текст абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [12], а также тексты п. 3 ст. 307 и ряда других законоположений ГК РФ.

Из анализа текста ст. 302 и 335 ГК РФ с очевидностью, по нашему мнению, явствует, что добросовестность — это субъективное состояние лица, которое,

реализуя в ходе своего волеизъявления правомерное целеполагание, *не знало и не могло знать* либо *не знало и не должно было знать* о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства. Для обозначения добросовестности законодателем использовано два словосочетания — «не знал и не мог знать» (ст. 302 ГК РФ) и «не знал и не должен был знать» (ст. 335 ГК РФ).

Аналогичные ст. 302 и 335 ГК РФ конструкции реализованы, соответственно, в ст. 222, 698 ГК РФ и в ст. 174, 189, 358.17, 901, 903, 926.5, 1019, 1022 ГК РФ. Схожие по смыслу, хоть и не столь очевидные терминологически конструкции встречаются и в других законоположениях [8, с. 352].

Говорить о лице как о добросовестном, по нашему мнению, можно лишь применительно к конкретной юридической ситуации. Следовательно, лицо является добросовестным, если в ситуации реализации целеполагания оно «не знало и не могло знать» (ст. 302, 222, 698 ГК РФ) либо «не знало и не должно было знать» (ст. 335, 174, 189, 901 и другие ГК РФ) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства.

Исходя из текста ст. 302 и 335 ГК РФ, под недобросовестностью можно, по нашему мнению, понимать субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, *знало или могло знать*, либо *знало или должно было знать* о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства. Для обозначения недобросовестности в субъективной оценке лицом юридической ущербности фактического обстоятельства также может быть использовано два словосочетания. Применительно к ст. 302 ГК РФ — «знало или могло знать», а к ст. 335 ГК РФ — «знало или должно было знать».

Соответственно, лицо является недобросовестным, если при реализации целеполагания оно «могло знать» (ст. 302, 222, 698 ГК РФ) либо «должно было знать» (ст. 335, 174, 189, 901 и другие ГК РФ) о юридической ущербности существенного для достижения цели фактического обстоятельства.

Заметим, что, по мнению референтной группы филологов и психологов, для обозначения недобросовестного лица вместо словосочетания «могло знать» корректнее использовать словосочетание «не могло не знать» и, соответственно, вместо словосочетания «должно было знать» — словосочетание «не должно было не знать». Анализ предложенного подхода не входит в предмет нашей статьи, однако, полагаем, может представлять отдельный интерес в будущем.

Перед «контекстным» рассмотрением положений налогового права заметим, что в данной отрасли неосторожная форма вины на виды не подразделяется [7, с. 28]. Потому разграничение между виновностью и невиновностью проводится по наличию или отсутствию признаков неосторожности в целом. Кроме того, виновность и невиновность в публичных отраслях права мы так же, как и добросовестность, считаем возможным рассматривать в качестве субъективных ситуационных состояний. Это обусловлено, в частности, тем, что правовое значение при привлечении нарушителя к ответственности субъективные характеристики нарушителя (виновность или невиновность) имеют применительно именно к моменту совершения нарушения, то есть к конкретной ситуации.

Из анализа содержания п. 3 ст. 110 Налогового кодекса Российской Федерации [10] (далее — НК РФ) следует, что лицо является виновным в совершении правонарушения по неосторожности, если оно не осознавало, но должно было и могло осознавать либо противоправный характер своего поведения, либо вредный характер последствий своего поведения (либо названные свойства обоих объективных обстоятельств — здесь и далее по тексту).

То есть чтобы лицо, поведение которого содержит объективные признаки нарушения, было виновным в совершении правонарушения, минимально необходимой является следующая характеристика его субъективного состояния: противоправность своего поведения либо вредный характер его последствий «объективный нарушитель», по меньшей мере, «должен и может осознавать». Поэтому неосторожную виновность можно определить как субъективное состояние лица, которое при совершении правонарушения не осознавало, но должно было и могло осознавать противоправность своего поведения либо вредный характер последствий своего поведения.

Соответственно, невиновность можно определить как субъективное состояние совершающего правонарушение лица, которое фактически не осознавало и при этом не должно было или не могло осознавать противоправность либо вредный характер последствий своего поведения.

Таким образом, нами даны описательно-дефиниционные характеристики добросовестности и смежных понятий на базе положений ГК РФ, а также виновности в совершении неосторожного правонарушения (далее по тексту настоящей статьи — «виновность») со смежными понятиями на базе положений НК РФ. Для последующего сравнения логико-правовых конструкций данных понятий требуется приведение формулировок, касающихся добросовестности, невиновности, а также их смежных понятий, к общему логико-терминологическому знаменателю. В этих целях мы проводим ряд необходимых лингвистических допущений, что без ущерба для логики позволяет построить сопоставимые модели сравниваемых понятий.

Так, в целях контекстной терминологической унификации, вместо словосочетаний «существенное для достижения цели фактическое обстоятельство» (в конструкциях добросовестности и смежных), а также «поведение лица» и «последствия поведения лица» (в конструкциях виновности и смежных) полагаем возможным использовать обобщающее понятие «значимое обстоятельство». Для обозначения же юридической порочности явлений, актуальных для состава добросовестности, а также противоправности поведения и вредности последствий поведения лица в налоговой сфере представляется валидным обобщающий термин «юридическая ущербность значимого обстоятельства».

В анализируемой конструкции ответственности юридическая ущербность поведения и его последствий заключается в их, соответственно, противоправности и вредности. Если в контексте предлагаемых допущений анализировать п. 3 ст. 110 НК РФ, то для налоговой ответственности необходима альтернативная либо одновременная юридическая ущербность «поведения» или «последствий». Поэтому если рассматривать поведение и последствия как единый

«деятельностный комплекс», то юридическая ущербность хотя бы одного из элементов комплекса достаточна для ущербности всего комплекса. В силу этого в качестве «значимого обстоятельства» представляется обоснованным рассматривать совокупно единый двухэлементный комплекс, включающий поведение лица и его последствия, а в случае юридической ущербности хотя бы одного из элементов комплекса — считать юридически ущербным весь комплекс.

Также заметим, что в конструкциях добросовестности и виновности для обозначения субъективного отношения лица к ущербности обстоятельства использованы базовые и производные формы глаголов, соответственно, «знать» и «осознавать». По мнению референтной группы филологов и психологов, для контекстных целей допустимо считать данные глаголы логически тождественными. Поэтому глагол «осознавать» в модельных конструкциях виновности будет заменен на глагол «знать» с соответствующей редакционной адаптацией.

И, наконец, в большинстве контекстных случаев словосочетание «совершение правонарушения» в конструкциях «виновности» и смежных считаем допустимым заменить на более общее понятие «реализация целеполагания», оговорив, что при неосторожной вине поведенческое целеполагание противоправность цели исключает.

Схематизируя по охарактеризованным выше допущениям понятия, базирующиеся на содержании ст. 302, 222, 698 (335, 174, 189, 901 и других) ГК РФ, получаем следующие модели:

- добросовестность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, не знало и не могло знать (не знало и не должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;
- лицо является добросовестным, если при реализации целеполагания оно не знало и не могло знать (не знало и не должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;
- недобросовестность — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, знало или могло знать (знало или должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства;
- лицо является недобросовестным, если при реализации целеполагания оно могло знать (должно было знать) о юридической ущербности значимого обстоятельства.

Результатом схематизации «виновности» и смежных понятий, основанных на содержании п. 3 ст. 110 НК РФ, являются следующие модели:

- «виновность» — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, не знало, но должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;
- лицо является «виновным», если при реализации целеполагания оно не знало, но должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;
- «невиновность» — субъективное состояние лица, которое, реализуя целеполагание, фактически не знало и при этом не должно было или не могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства;

— лицо является «невиновным», если оно при реализации целеполагания не знало и при этом не должно было или не могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства.

Сопоставление схематизированных понятий можно, на наш взгляд, начать с моделей недобросовестности и «виновности» (неосторожной) (таблица 1).

Если исходить даже только из того, что вопрос о недобросовестности, как правило, возникает лишь при фактическом нарушении недобросовестным лицом чужих прав (последствие реализации целеполагания), то, говоря условно, верхняя граница потенциальной вредоносности умышленной недобросовестности гораздо выше потенциальной вредоносности «виновности» (неосторожной). Между тем выше верхней границы вредоносности «виновности» находится и вредоносность умышленной виновности (п. 2 ст. 110 НК РФ), подразумевающая, используя модельную терминологию, знание лица о юридической ущербности значимого обстоятельства. В данном контексте умышленная недобросовестность по логической конструкции полностью совпадает с умышленной виновностью. Следовательно, данный вид недобросовестности (умышленный) можно полностью отождествлять с виновностью.

Сравнивая же «виновность» (неосторожную) с неумышленной недобросовестностью, следует обратить внимание, что для «виновности» минимально необходимым является одновременное наличие двух логических элементов — как обязанности лица знать о юридической ущербности значимого обстоятельства (объективный критерий «виновности»), так и персональной возможности лица к этому (субъективный критерий «виновности»). Для недобросовестности при этом достаточен лишь один критерий — либо субъективный (например, ст. 302 ГК), либо объективный (например, ст. 335 ГК). То есть нижняя граница потенциальной вредоносности неумышленной недобросовестности ниже такой

Таблица 1

Сравнение моделей недобросовестности и виновности

Table 1

Comparison of unconscientiousness and guiltiness models

Недобросовестность	«Виновность»
субъективное состояние лица, которое	
реализуя целеполагание	
знало или могло знать (ст. 302 ГК) знало или должно было знать (ст. 335 ГК)	не знало, но должно было и могло знать
о юридической ущербности значимого обстоятельства	

Примечания: Виновность для целей настоящей статьи является только неосторожной. Недобросовестность может быть либо неосторожной, либо умышленной.

Notes: Guiltiness for the purposes of this article is only careless. Unconscientiousness can be either careless or intentional.

же границы «виновности». Поэтому те проявления неумышленной недобросовестности, в которых присутствует только один из критериев, очевидно, не являются виновными. В данном случае недобросовестность с виновностью отождествлять нельзя. Можно вести речь о так называемой невиновной недобросовестности.

Сопоставление схематизированных понятий следует продолжить на моделях добросовестности и невиновности (таблица 2).

В составах ст. 302 ГК РФ и смежных обязательным для добросовестности является отсутствие субъективного критерия недобросовестности (лицо «не могло знать»). Если же субъективный критерий «могло знать» присутствует, а отсутствует объективный критерий «должно было знать», то отсутствие объективного критерия в данном случае не имеет значения, а лицо является недобросовестным. Таким образом, если отсутствие объективного критерия «должно было знать» в конструкции «виновности» само по себе означает «невиновность», то для недобросовестности по ст. 302 ГК РФ и смежным это не имеет значения.

Следовательно, в конструкции ст. 302 ГК РФ и смежных, если лицо не знало и при этом не только могло, но и должно было знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то оно одновременно является и недобросовестным (по субъективному критерию «могло знать»), и виновным (по совокупности критериев — объективного «должно было знать» и субъективного «могло знать»); соответственно, если лицо не знало, не должно было, но могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, оно является недобросовестным (по наличию субъективного критерия), но невиновным (отсутствие одного из двух критериев «виновности»).

В составах ст. 335 ГК РФ и смежных обязательным для добросовестности является отсутствие объективного критерия недобросовестности (лицо «не

Таблица 2

Сравнение моделей добросовестности и невиновности

Table 2

Comparison of conscientiousness and guiltlessness models

Добросовестность	Невиновность
субъективное состояние лица, которое	
реализуя целеполагание	
не знало и не могло знать (ст. 302 ГК)	не знало и при этом
не знало и не должно было знать (ст. 335 ГК)	не должно было или не могло знать
о юридической ущербности значимого обстоятельства	

Примечания: Для невиновности лица достаточно отсутствия хотя бы одного из критериев «виновности».

Notes: For someone's guiltlessness the absence of at least one of the criteria of "guiltiness" is enough.

должно было знать»). Если же объективный критерий «должно было знать» присутствует, а отсутствует субъективный критерий «могло знать», то отсутствие субъективного критерия в данном случае не имеет значения, а лицо является недобросовестным. Таким образом, если отсутствие субъективного критерия «могло знать» в конструкции виновного поведения само по себе означает невиновность, то для недобросовестности, по ст. 335 ГК РФ и смежным, это не имеет значения.

Следовательно, в конструкции ст. 335 ГК РФ и смежных, если лицо не знало и при этом не только должно было, но и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то оно одновременно является и недобросовестным (по объективному критерию «должно было знать»), и виновным (по совокупности критериев — объективного «должно было знать» и субъективного «могло знать»); соответственно, если лицо не знало, не могло, но должно было знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, оно является недобросовестным (по наличию объективного критерия), но невиновным (отсутствие одного из двух критериев «виновности»).

Таким образом, если при неосторожной недобросовестности лицо одновременно должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то лицо является «виновным» с точки зрения подходов к виновности, предлагаемых такой отраслью публичного права, как налоговое право. При умышленной же недобросовестности лицо с точки зрения конструкций налогового права во всех случаях является виновным.

Необходимо сделать одно принципиальное, хоть и достаточно очевидное, на наш взгляд, замечание.

Принимая во внимание предусмотренный п. 7 ст. 3 НК РФ принцип толкования всех неустраняемых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах в пользу налогоплательщика [10], считаем, что границы виновности в налоговом праве (публичном праве) не могут быть шире границ виновности в гражданском праве (частном праве). В силу этого, если в поведении лица имеются «модельные» признаки его виновности с позиций налогового права, то такое лицо во всяком случае является виновным и с позиций гражданского права. Поэтому недобросовестные лица, являющиеся виновными с точки зрения налогово-правового подхода, являются виновными и с точки зрения гражданско-правового подхода.

Заключение

Из анализа действующего гражданского законодательства России очевидна достаточно противоречивая ситуация. Так, если нарушение чужих прав имело место вследствие виновного поведения, то действует презумпция виновности и потерпевшему не нужно доказывать виновность нарушителя права. Если же чужие права нарушены вследствие недобросовестного поведения, но без признаков виновности, то в отношении нарушителя действует презумпция добросовестности, а потерпевшему нужно доказать недобросовестность нарушителя права. В ходе

проведенного исследования нами выявлено, что в ряде случаев «субъективная сторона» поведенческих проявлений лица характеризуется одновременно и недобросовестностью, и невиновностью. Для таких случаев, очевидно, необходимы критерии ограничения недобросовестности от виновности и, соответственно, добросовестности от невиновности. В рамках отраслевого гражданско-правового подхода найти критерии для проведения подобного разграничения не представилось возможным, поскольку для правового описания невиновности и добросовестности в цивилистике используются совершенно различные логико-смысловые конструкции. Между тем законодательное описание добросовестности в гражданском праве в целом соответствует описанию невиновности в публичных отраслях права, что позволило нам, обосновав соответствующую возможность, экстраполировать публично-правовой подход на гражданско-правовую сферу, выстроить упрощенные логические модели и найти критерии разграничения невиновности, добросовестности и других смежных понятий в гражданском праве.

Проведенный сравнительный анализ позволил сформулировать несколько выводов, которые могут быть использованы для дальнейшего обсуждения затронутых в статье проблем.

Так, например, если недобросовестное лицо знало либо должно было и могло знать о юридической ущербности значимого обстоятельства, то в случае нарушения чужих прав такое лицо следует считать виновным в наступлении последствий ущерба.

Также, исходя из исследованного выше соотношения проанализированных понятий, представляются логически правильными следующие тезисы, позволяющие, по нашему мнению, конкретизировать презумпцию добросовестности в зависимости от, говоря условно, степени вины субъектов правоотношений:

- недобросовестность участников гражданских правоотношений, допустивших виновное нарушение чужих прав, предполагается;
- добросовестность участников отношений, невиновность которых в совершении правонарушения доказана, предполагается.

Значительный интерес для дальнейшей научной проработки могут представить как внутриотраслевая, так и межотраслевая терминологическая унификация. В порядке контекстной демонстрации *внутриотраслевой терминологической унификации* в цивилистике предлагается составленная авторами настоящей статьи формулировка добросовестности с использованием логики законодательного описания невиновности. При таком подходе добросовестность можно определить как ситуационное субъективное состояние лица, основанное на достаточной степени его заботливости и осмотрительности в оценке юридических свойств актуальных для правоотношения фактических обстоятельств. Применение подобного подхода позволяет, на наш взгляд, снять ряд вопросов, возникающих в ходе разграничения добросовестности и невиновности. Между тем практически более полезным, по нашему мнению, явилось бы формулирование цивилистической невиновности с использованием конструкций добросовестности и недобросовестности.

Также важно, что с развитием государственно-социального партнерства и обретения обществом признаков гражданского отношения между обществом и государством всё явственней трансформируются из «вертикальных» в «горизонтальные». Следствием данных процессов является, на наш взгляд, то, что в общей системе наиболее актуальных правовых норм неуклонно повышается удельный вес частного-правового (гражданско-правового) компонента. Поэтому, полагаем, налицо представляющие особый интерес с точки зрения науки конституционного права предпосылки для *общеправовой унификации* на базе отрасли гражданского права ряда правовых конструкций, в том числе таких как «невиновность», «виновность», «добросовестность» и «недобросовестность». Следует заметить, что, по нашему мнению, сама по себе данная унификация не лишает законодателя возможности — исходя из типов и методов правового регулирования отдельных отраслей права — устанавливать в отношении одного и того же правового понятия разные презумпции в различных отраслях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин А. Я. Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 / А. Я. Берлин // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 54-62.
2. Брагинский М. И. Договорное право: Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут, 1999. 848 с.
3. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
4. Гражданский кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В. И. Емельянов. М.: Лекс-Книга, 2002. 160 с.
6. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Крохина Ю. А. Правовая охрана механизма налоговых отношений / Ю. А. Крохина // Финансовое право. 2010. № 11. С. 27-32.
8. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М. Ф. Лукьяненко. М.: Статут, 2010. 423 с.
9. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г. К. Матвеев. М.: Юридическая литература, 1970. 311 с.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
11. Пермяков А. В. Состояния в гражданском праве: автореф. ... канд. юрид. наук / А. В. Пермяков. М., 2013. 27 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
13. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
14. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Anton V. PERMYAKOV¹
Dmitry A. KIRILLOV²

UDC 342.7+347.1

**INTERSECTORAL MODEL APPROACH
TO THE DISTINCTION BETWEEN CONSCIENTIOUSNESS
AND INNOCENCE IN RUSSIAN CIVIL LAW**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
University of Tyumen
permyakov.antony@gmail.com

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
University of Tyumen
kdakda@yandex.ru

Abstract

The description of conscientiousness in civil law almost coincides with the description of innocence in public law. However, this fact is not systematically studied for several decades, since the study of “alien” categories is not welcome by branch sciences. The situation was resolved only at the intersection of branch science and constitutional law science. This combination allowed going beyond the sector’s subject when considering civil law matters.

Properties of the psyche of the subject, indicating the conscientiousness and innocence, being “extralegal”, are the same for all branches of law. Therefore, the obvious similarity of these phenomena in different branches of law also means their common legal similarity, including within the boundaries of civil law. Meanwhile, one of the logically similar concepts (conscientiousness) is presumed and another is the subject to proof (innocence). Hence, the aim of the research is an accurate differentiation of presumptive conscientiousness from the innocence, which is the subject to proof. The objectives are achieved by creation of

---

Citation: Permyakov A. V., Kirillov D. A. 2019. “Intersectoral model approach to the distinction between conscientiousness and innocence in Russian civil law”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 2, pp. 155-170.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170

---

simplified models of innocence and conscientiousness as well as their comparison. In this sense, the research is new.

The research methodology is typical for the dialectical one complemented with some elements of other methodological approaches. As for the private methods, special attention is paid to comparative legal analysis, logical analysis, and generalization.

The article substantiates the correctness of the comparison on the basis of constitutional law of the models of private and public law, the choice of tax law as a public law's branch; the terminological analysis of the categories "conscientiousness" in civil law and "innocence" in tax law as well as other concepts related to these categories is conducted with the use of the generalization method; logical and terminological simplification of concepts for their comparison is carried out; the actual tabular comparison of concepts is made, and the comments are given.

Based on the results of the research, the authors have formulated a number of approaches for the possible correction of legal provisions. In particular, dishonesty of the participants in civil legal relations who have committed a guilty violation of someone's rights should be assumed.

Keywords

Conscientiousness, innocence, unconscientiousness, culpability, comparative characteristic, simplified model, legal status, legislative unification.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170

REFERENCES

1. Berlin A. Ya. 2016. "Criterion of conscientiousness in judicial practice in light of Paragraph 1 of the Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No 25". *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, no 1, pp. 54-62. [In Russian]
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. 1999. *Contract Law. Book 1. General Provisions*. Moscow: Statut. [In Russian]
3. RSFSR Civil Code. 1964. *Vedomosti VS RSFSR*, no 24, art. 407. [In Russian]
4. RF Civil Code. 1994. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 5 December, no 32, art. 3301. [In Russian]
5. Emelyanov V. I. 2002. *Reasonableness, Conscientiousness, Non-Abuse of Civil Rights*. Moscow: Leks-Kniga. [In Russian]
6. RF Constitution. 2014. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 4 August, no 31, art. 4398. [In Russian]
7. Krokhnina Yu. A. 2010. "Legal protection of the mechanism of tax relations". *Financial Law*, no 11, pp. 27-32. [In Russian]
8. Lukyanenko M. F. 2010. *Evaluation Concepts of Civil law: Reasonableness, Conscientiousness, Materiality*. Moscow: Statut. [In Russian]
9. Matveev G. K. 1970. *Grounds for Civil Liability*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. [In Russian]

10. RF Tax Code (part 1). 1998. Collection of Legislation of the Russian Federation, 3 August, no 31, art. 3824. [In Russian]
11. Permyakov A. V. 2013. "States in civil law". Cand. Sci. (Jur.) diss. abstract. Moscow. [In Russian]
12. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No 25 "On the application by the courts of certain provisions of Section 1 of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation". [In Russian]
13. RSFSR Criminal Code. 1960. Vedomosti VS RSFSR, no 40, art. 591. [In Russian]
14. RF Criminal Code. 1996. Collection of Legislation of the Russian Federation, 17 June, no 25, art. 2954. [In Russian]